

«САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ» КАК НАУЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ

ЛЮБОВЬ УЛЬЯНОВА

*Кандидат исторических наук.
Преподаватель МГУ имени М. В. Ломоносова,
участник проекта Русская Idea
(www.politconservatism.ru).*

Сакральные места и мифология, с ними связанная, говоря словами русского философа С.Н. Булгакова, основаны на «особой достоверности, которая опирается не на доказательства, но на силу и убедительность непосредственного переживания».¹ Восприятие места, имеющего символическое значение, основано не на логике и других инструментах рационального мышления, а на эмоциях, переживаниях и памяти. Сакральные места отличает то, что мы помним связанные с ними события, считаем их по-прежнему значимыми для нас сегодняшних. Поэтому в наших глазах они обладают «особой достоверностью». Они также отражают нашу историю, но не как объективно выстроенную, раз и навсегда застывшую картину прошлого (такое позитивистское представление об историческом познании устарело), а как изменчивый рассказ, зависящий от потребностей слушателей.

Как писал еще в 1920-е годы французский социолог Морис Хальбвакс — мало известный при жизни, но ставший впоследствии значимой фигурой для исследователей коллективной памяти — память о прошлом определяется контекстом настоящего. То, что из ушедшего имеет значение

сегодня, зависит от современного состояния общества, нации, государства, страны. Исходя из нужд настоящего, коллективная память постоянно трансформируется, из коллективных воспоминаний остаются те, которые «общество может в ту или иную эпоху реконструировать в рамках современного ему контекста».

Коллективная память поддерживает солидарность в обществе, которое «может существовать только в том случае, если между образующими его индивидами и группами имеется достаточное единство взглядов». Коллективная память фиксирует определенные события прошлого (не столь важно, реальные или вымышленные), «вырезая» факты, угрожающие целостности общего представления.

В аналогичном ключе, но спустя полвека после Хальбвакса рассуждал известный английский историк и евромарксист Эрик Хобсбаум. В статье «Чувство прошлого и история» (1970) он утверждал, что в современном обществе, так же как и в традиционном, прошлое имеет функцию преобразования и прогнозирования.

Посредством коллективной памяти определенные пласты прошлого как бы легитимируют настоящее, более того, — задают важные векторы

**ПОСРЕДСТВОМ
КОЛЛЕКТИВНОЙ
ПАМЯТИ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ
ПЛАСТЫ ПРОШЛОГО
КАК БЫ ЛЕГИТИМИРУЮТ
НАСТОЯЩЕЕ, БОЛЕЕ
ТОГО, — ЗАДАЮТ ВАЖНЫЕ
ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ
В БУДУЩЕМ**

¹ Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 61.

Пьер Нора (фр. *Pierre Nora*; род. 17 ноября 1931, Париж) – французский историк, автор концепции «мест памяти». В 128 статьях (7 томов и 3 части) коллектив ученых под руководством П. Нора зафиксировал и описал самые значимые для французов 1970-1980-х годов «места памяти». В первой части, *La République* («Республика»), речь шла о символах, монументах, юбилеях и памятных торжествах, с помощью которых в XIX-XX вв. во Франции утверждалась идея республики. Например, в этот раздел помещена большая статья о парижском Пантеоне. Вторая часть, *La Nation* («Нация»), содержит описания мест национальной славы, ее материальных воплощений (таких как, Верден и Лувр) и символов (Французская академия), а также образов, связанных с государственной властью. Третья часть – *Les Francs* («Франции») – касалась всего, что было так или иначе связано с Францией и не вошло в первые две части.

развития в будущем, а сама коллективная память является ресурсом для создания и поддержания групповой, в том числе общенациональной, идентичности.

В этом контексте быструю популярность завоевала концепция «мест памяти» – природных и исторических объектов, ставших важным основанием общенациональной идентичности.

Эта концепция была разработана французским историком Пьером Нора в 1980–1990-е годы.

Его замысел состоял в том, чтобы зафиксировать целостный образ страны, наполненный позитивными смысловыми коннотациями, в том виде, в каком он существовал в современной ему памяти французов. Понятие «места памяти» шире понятия «сакральная география». «Места памяти» по Пьеру Нора – не географические объекты в узком смысле слова – это «своеобразные точки пересечения, на которых складывается и концентрируется память сообщества». Самая главная их функция – сохранение групповой памяти в символической форме. Местами памяти могут стать как реальные предметы, здания, географические точки, так и отдельные события, люди, а также традиции и легенды. Для утверждения события в общенациональной памяти не принципиально, произошло ли оно в действительности и как его интерпретирует историческая наука. Места памяти формируют представления общества о себе и своей истории.² Английский историк Тони Джадт обобщил эту мысль: каждое место памяти хранит «в себе не столько память о каком-то конкретном событии, а об истории страны как таковой».³

Коллективной памяти не важна давность события, с которым связано сакральное место. Имеет значение только его консолидирующая роль для современного общества. Согласно теории «культурной памяти» известного немецкого историка Яна Ассмана, таковыми в наибольшей степени являются события более отдаленного прошлого, нежели факты недавней истории, нередко выступающие поводом для раздора между различными социо-культурными группами или связанные с личными трагическими воспоминаниями людей (воспоминания о событиях недавнего прошлого Ассман называет «коммуникативной памятью»). Отличительными чертами «культурной памяти» являются ее апелляция к «мифической первоначальной истории», событиям «абсолютного прошлого» из «мифического начального времени». Большое значение для сохранения культурной памяти имеют праздничные церемонии и ритуалы, создающие «церемониальные коммуникации» и обеспечивающие единство восприятия обществом своего прошлого.

Проблематика мест памяти как точек консолидации общества приобретает особое звучание в переходные периоды, когда рушится идентичность, существовавшая на протяжении предшествующих поколений, резко меняются условия жизни. В эпоху катаклизмов стремительно меняющееся общество ощущает чувство утраты собственных корней и пытается уцепиться за то, что кажется незабываемым – далекое прошлое. Так возникает «культ корней». Нора пишет об особенной «восприимчивости французов к «определенному представлению о Франции»: не только к ее истории, но и к ее пейзажам и кухне, ее различным регионам и традициям.

2 Франция-память. – П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуомеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 25.

3 Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чья память? Чьи места? // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое издательство, 2011. С. 68

Питер Берк – (заслуженный профессор кафедры исследований культуры, сотрудник Emmanuel College, Cambridge University) из интервью альманаху «Самопознание»: Концепция “мест памяти”, теперь хорошо известная, несколько двусмысленна, и эта двусмысленность, возможно, поспособствовала ее успеху. В буквальном смысле она основывается на том факте, что люди запоминают события лучше, если они ассоциируются с определенным местом. Этот факт был экспериментально подтвержден психологами, но был уже известен древним грекам, основывавшим на нем свое “искусство памяти”, которое получило новый импульс в эпоху Возрождения и теперь с успехом применяется угастниками современных международных соревнований по запоминанию. Но существует и переносное значение концепции, которое относится к объектам или мелодиям или идеям или индивидуумам, которые пробуждают воспоминания. Некоторые главы в работах Нора посвящены географическим местам, таким как Реймс или Версаль, другие – о физических объектах, таких как ратуша или трехцветный флаг. Мне кажется, что его концепция по-прежнему актуальна – большинство хороших концепций имеют длительный срок годности – и это хорошо подтверждается подражанием Нора и появлением аналогичных работ о Германии, Италии и т.д. Исследование по Британии по-прежнему отсутствует, так же как и по России, насколько мне известно, хотя оно было бы очень полезно и интересно для чтения.

Кроме того, важность памяти о прошлом на современном этапе общественного развития объясняется еще одним. Как пишет Нора, на наших глазах произошло резкое «ускорение истории» (термин Даниэля Галеви) – отныне «наиболее постоянны и устойчивы ... не постоянство и устойчивость, а изменение», причем «изменение все более быстрое». Люди теряют ориентиры в настоящем, а будущее кажется совершенно непредсказуемым. Но потребность в ориентирах не исчезает. Таким ориентиром становится прошлое. Точнее – память о прошлом. Точнее – память о тех местах, которые позволяют найти и ощутить себя частью устойчивой общности, способной сохранять ценности и смыслы и транслировать их в будущее.

Важную роль в усилении этой тенденции сыграл крах идеологических доктрин предшествующего поколения. По словам Нора, «над будущим нависла отныне абсолютная неопределенность». ⁴ В этот момент государство вновь становится единственной силой, способной смотреть в будущее от лица

всего общества, а значит, выстраивать картину прошлого. Во введении к сборнику «Изобретение традиции» 1983 года историки Эрик Хобсбаум и Теренс Рэнжер подчеркивали: только государство может структурировать часть реальности как исторически неизменную. ⁵ Только государственная власть изобретает традиции, способные

сохранить общенациональную идентичность, только государственная власть имеет легитимные возможности для закрепления традиций путем повторения символических практик, которые призваны транслировать определенные ценности.

Стоящее над всеми общественными группами и интересами, государство способно вычленив из всего массива прошлого те точки коллективной памяти, которые могут сплотить общество, определить его место в настоящем и через прошлое дать ориентиры для представления о будущем, а, значит, – дать ориентиры для жизни.

**МЕСТАМИ ПАМЯТИ
МОГУТ СТАТЬ КАК
РЕАЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ,
ЗДАНИЯ, ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ
ТОЧКИ, ТАК И ОТДЕЛЬНЫЕ
СОБЫТИЯ, ЛЮДИ,
А ТАКЖЕ ТРАДИЦИИ
И ЛЕГЕНДЫ**

⁴ Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3.

⁵ Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. – 2000. No1(8). – С. 47–62